

ПЛЕХАНОВЪ.

Этюдъ Л. М. ДОБРОПРАВОГА.

Въ шемъ было что-то спаленное, обугленное. Впрочемъ, сорокъ лѣтъ раздубаль онъ горить революціи, сожигаемый ея пламенемъ.

Изъ-подъ аркады нависшихъ бровей, глаза его смотрѣли зорко.

Таковъ взглядъ вождя, провидящаго далеко впередъ.

Въ его рукопожатіи была твердость, а въ чеканныхъ окончаніяхъ словъ — законченность строго опредѣленной, отлитой мысли.

Среди общихъ, бурныхъ восторговъ, вихремъ подымавшихся навстрѣчу ему, когда послѣ многолѣтняго изгнанія ступилъ онъ на родную землю, онъ сохранялъ непоколебимое спокойствіе.

Онъ не умѣлъ охвѣстаться побѣдой. Онъ зналъ, что побѣда — лишь первый шагъ къ новымъ завоеваніямъ.

Все были увѣрены, что онъ, учитель и вождь, станетъ близко къ рулю революціоннаго корабля — совѣту депутатовъ. Тамъ сидѣли его ученики, выросшіе на его книгахъ, воспитавшіеся на его доктринахъ, заимствовашіе отъ него свою политическую мудрость.

Но ученики устроили ему торжественную встрѣчу, много разъ называя его учителемъ, и дали ему понять, что ему съ ними не по пути.

Онъ отошелъ въ сторону со спокойствіемъ мудреца, привычнаго къ человѣческой глупости.

* * *

Онъ обвораживалъ кристальной ясностью своей мысли, точными и изящными формами, въ какихъ выражалась она. У него не было лишннихъ словъ, но каждое изъ нихъ звѣшено и закончено по внутреннимъ и внешнимъ очертаніямъ.

— Нашъ національный бичъ, — говорилъ онъ мнѣ по поводу статей Максима Горькаго въ «Новой Жизни», — необыкновенная склоность къ учительству, соединенная съ не менѣе необыкновеннымъ риторизмомъ. Тому яркій примѣръ нашъ Максимъ, невразумительный (такъ всегда называлъ онъ Горькаго). Представьте, онъ твердо увѣренъ въ томъ, что онъ буд-то бы марксистъ. Какой же онъ марксистъ? Онъ всего лишь Максимъ невразумительный.

И Плехановъ улыбался улыбкой взрослого, рассказывающаго о забавныхъ проказахъ дитяти.

* * *

Однажды, обсуждая темы статей для будущаго номера газеты, онъ сказалъ, что надъ одной темой надо поработать въ бібліотекѣ, пересмотрѣть старые журналы.

Старый товарищъ его возразилъ:

— Зачѣмъ, Георгій Валентиновичъ,

рыться еще въ старыхъ журналахъ? На это пойдетъ много времени.

Плехановъ холодно отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ не надо писать статей.

Онъ былъ вѣтернымъ къ верхоглядству, къ писанію «съ кандачка». Онъ слишкомъ уважалъ печатное слово.

* * *

Въ одно изъ воскресеній, онъ просилъ меня прѣхать къ нему въ Парское.

Это было въ началѣ іюня прошлаго года.

— Надо написать о контръ-революціи, — сказалъ онъ въ разговорѣ. — Мнѣ все нездоровится да и всякой работы много. Вы свободнѣе меня. Вамъ я передаю свою тему.

Онъ умѣлъ быть обворожительнымъ.

— Вы чувствуете, что надвигается контръ-революція? — говорилъ онъ. — Это не контръ-революція буржуазія. Не буржуазія ее создаетъ, но наши революціонеры, именно: ленинцы. Они сѣютъ вѣтеръ.

* * *

Онъ не переставалъ заниматься литературой въ урывкахъ между текущей работой и приемами то всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ делегацій, то министровъ, то просто людей, желавшихъ видѣть его и поговорить съ нимъ.

— Въ нашей литературѣ нынѣшнихъ дней, — говорилъ онъ мнѣ, — есть убогая роскошь наряда, но нѣтъ традицій. Я могу назвать два-три литературныхъ имени, достойныхъ быть прочитанными. Все остальное — мелко. Нѣтъ замысла, нѣтъ мысли. Есть только внѣшняя красивость.

Онъ былъ литераторъ съ головы до ногъ, но литераторъ европейской складки: онъ не могъ не работать.

* * *

Я знало, что ему суждено не долго жить. Но извѣстіе о смерти его ударило по сердцу.

Смерть никогда нельзя принять спокойно. Ничью. Въ особенности, смерть Плеханова. Какъ странна его судьба!

Сорокъ лѣтъ работать, не покладая рукъ, сорокъ лѣтъ будить общественную совѣсть, сорокъ лѣтъ воспитывать и учить революціонеровъ и вдругъ отойти въ сторону тогда, когда пришло время жатвы.

Впрочемъ, плевелы заглушили послѣднюю имъ пшеницу.

Плехановъ обаялся слишкомъ культуренъ, слишкомъ мудръ въ нашей обстановкѣ, среди россійской дѣйствительности, гдѣ люди идутъ бараньимъ обычаемъ не за мудрецами, а за горлопанами.

Но побѣда Плеханова — впередъ.

Л. Доброправовъ